

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Дублер

«Автор»

Кивинов А. В.

Дублер / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы разбитых
фонарей)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	13
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Кивинов

Дублер

Все изложенное ниже является чистой выдумкой и не имеет никакого отношения к реальным событиям и лицам, хотя выдумывать было на удивление легко...

ПРОЛОГ

Июль, 1992 год

Олег поднялся со стула, механически, почти рефлекторно хлопнул себя по нагрудному карману рубашки, проверяя, на месте ли удостоверение, взял со стола брошенную связку ключей. Взглянул на часы. Семь вечера.

Еще тридцать минут назад он с грязной совестью мог отчалить из родной гавани, но задержался, разбираясь с просроченным материалом. И все же сегодня, по его меркам, он уходил рано – обычно приходилось зависать как минимум до восьми. Ничего не поделать: лето – период отпусков. Все хотят солнца, моря, чистого воздуха и расслабухи. Народа в отделении остается как в райкоме, из которого все ушли на фронт. А граждан воров и бандитов не волнует ментовский график отпусков, они, подлецы, бомбят как зимой, так и летом. Заявления сыплются, потерпевшие обивают пороги, начальство топает ногами, в общем, волей-неволей взопреешь, бегая по территории и отписываясь в душном кабинете.

Сегодня Олег плюнул и решил уйти пораньше. Светка напрягает с магазинами, уже ругаться начала – и, к слову сказать, вполне справедливо: у тебя, родное сердце, есть семья или нет?

Дернув на всякий случай створку сейфа и убедившись, что она закрыта, Олег взял с подоконника пакет с книгой и шагнул к двери. Увы, спокойно отвалить не дали, на пороге возник запыхавшийся от быстрой ходьбы или бега опер Валерка Любимов, молодой парень, пришедший в розыск не больше месяца назад, после средней школы милиции.

– Олег, ты уже?

– А что такое?

– Да посоветоваться бы.

Олег недовольно хмыкнул, достал сигарету и бросил пакет на стол.

– Только по-быстрому, старик. У меня сегодня активный отдых.

– Хорошо. – Любимов тоже закурил и опустился на скрипучий, разохшийся стул. – Просто не хотелось бы погорячиться.

Олег согласно кивнул и уселся прямо на стол, давая понять, что на длительные разговоры-базары не настроен. Валерка приходил советовать по несколько раз на дню, что вполне естественно – никакой диплом, будь он хоть трижды красным, не обеспечит стопроцентными рецептами успеха. Времени на раскачку тоже не дано, зарабатывать шишки и синяки приходится по ходу дела. К тому же Валера был неофициально «прикреплен» к Олегу, поэтому последнему приходилось выполнять роль мастера производственного обучения.

Сам Олег не считал себя профи высшего разряда, поскольку пришел на службу всего год назад, причем из гражданского учреждения – с судостроительного завода, где трубил после окончания института в должности инженера. Тем не менее на сегодняшний день он уже достаточно хорошо представлял себе карту подводных камней и рифов оперативной работы и мог подсказать новичку, каким именно курсом следовать и куда лучше даже не соваться. Хотя все рифы все равно не изучить, плавай хоть год, хоть десяток.

Валера на работе номер отбыть не пытался, старт взял резвый, что тоже вполне объяснило – надо завоевывать авторитет и положение. Это нормально, хуже, когда человека ничего не интересует и он спокойно сидит в кабинете, выходя оттуда лишь в дни получения денежного содержания.

– Ну, что у тебя? – еще раз спросил Олег.

– У меня три материала было, ну, вернее, два я уже в следствие отправил, один еще на руках. Все «глухие». Грабежи в подъездах. Ну, ты помнишь...

– Что, есть идеи?

– Понимаешь, все потерпевшие с рынка возвращались, с Поля Дураков. Все при деньгах. Покупать ничего не покупали, но «бабками» светили. И способ один в один – плохой человек заходит следом в подъезд, тормозит, в глаза фонарем светит, чтобы «терпила» лица не разобрал, «перо» к горлу и кошелек потрошит.

Олег кивнул. Он знал про эту серию, тем более что «Поле Дураков» – пустырь возле пересечения двух крупных проспектов – находилось на его территории. После легализации ларечного движения пустырь моментально превратился в барахолку, пока еще не очень большую по размерам, но доставляющую немало хлопот, ибо там, где хоть чуть-чуть начинает пахнуть денежками, сразу появляются чуткие носы, принадлежащие отнюдь не ангелам.

– Может, «гоп-стопов» и больше было, – продолжал Валера, – не все заявляют. Я вот подумал... может, подставочку сделаем, а?

– Под цветы?

– Ну чего ты? Что-то ведь надо делать... Я попрошу человека, он посветит «бабками», отвалит, зайдет в подъезд, те его опустят, а мы их на выходе тормознем, с поличным. Ну? Поможешь?

– Идея хорошая... Для комиксов про Пинкертон. Место «стрелки» изменить нельзя. Мы будем провожать твоего человека, а в это время опустят кого-нибудь другого. Там, на рынке, с деньгами каждый второй, на то это и рынок. А за каждым при всем нашем большом желании не проследишь.

– Что ж теперь, материалы штамповать? Мне шеф уже тонко намекнул, не много ли у меня за месяц «глухарьков». Обидно, можно подумать, я их раскрыть не хочу. И, блин, все, как специально, на моей земле... Давай хоть пару дней попасем.

Олег покачал головой. Валерку он прекрасно понимал, парню действительно не прет, но пасти грабителя, надеясь только на удачу, – пустая трата времени. Один шанс из миллиона. Тем более в Питере, в «спальном» районе.

Не вижу смысла. Это от безысходности. Если б конкретно знать, что за «терпилой» пойдут, а так... И потом, вдруг что с подставочкой твоей случится? Обидится человечек и скажет на следствии или в суде, что менты, мол, его попросили деньгами светануть, обещали подстраховать. И все, гуляйте, ребята, с Богом, а вы, доблестные оперы, идите-ка на их место за провокацию.

– Да ерунда это все. Сказал бы честно, что не хочешь.

– Не бухти. Думаешь, я подставочек не делал, когда пришел в ментуру? И на «хвост» всяким уродам садился, тоже хотел с поличным брать. От безысходности. Подставки – последнее дело, я тебе скажу. Это для постовой службы хорошо, а ты опер... Ногами много не находишь. Разок-другой, может, и повезет, а потом?... Попробуй еще помозговать. Людишек подергай с рынка, не может быть, чтобы никто про ограбления не знал. Я своих подтяну, есть у меня парочка наркош, может, что и слышали. Хорошо бы прихватить кого на кражонке или травке, тогда все вывели бы... Ну а упрямся, тогда попробуем попасть. Все, будь, я отваливаю.

Олег встал со стула, протянул Валерке руку.

– Ты еще остаешься?

– Я дежурю в вечер.

– Ну, удачи.

Оперы вышли в коридор. Валерка направился в свой кабинет, Олег – в дежурную часть доложить, что его рабочий день успешно завершен.

– Любимова не видел? – спросил дежурный, заметив Олега.

– К себе пошел, у меня сидел.

– Там заявочка прошла, он в вечер.

– Надеюсь, не покойничек?

– Не, грабеж в подъезде, мелочь...

– Ну так как жить-то будем, милый? По любви или по расчету, а?

Валера с напускной строгостью посмотрел на сидящего перед ним паренька.

Тот пожал плечами и снова устался в пол.

– Какой-то ты нерешительный, Никитушка. Может, ты не понял чего? Так я объяснить могу, повторить помедленнее. У тебя что в школе по алгебре было? Наверное, сплошные проблемы. Семнадцать плюс пять сколько будет?

– Двадцать два.

– Правильно. Но если попадешь под амнистию – то поменьше. Понял, о чем толкую? Тебе семнадцать, на пятерочку за травку ты смело можешь надеяться, так что...

– Это не моя трава.

– Да какая, в принципе, разница? Найдена эта гадость в твоём карманчике, а кто тебе ее туда положил, волнует нас постольку поскольку. Хоть Диего Марадонна, тот вроде тоже грешен. Я ж тебе еще в прошлый раз все по полочкам разложил. И три дня дал, чтобы ты про грабежи поспрошал аккуратненько. Пспрошал, кстати?

Никита едва заметно кивнул.

– Ну и?

– Никто не знает, – виновато выдавил наркоман.

– Или плохо спрашивал. Никогда не поверю, чтобы на Поле Дураков, где, как в большой деревне, все про всех знают, никто не догадывался чьих рук эти «гоп-стопы». Тем паче разговоры наверняка идут.

– Нет, тишина. Правда, клянусь вам, никто не знает.

Никита встрепнулся, оторвавшись от созерцания пола и посмотрев прямо в глаза Валере.

Валере показалось, что Никита сейчас не лжет, просто он действительно ничего не смог узнать. Валера не очень-то и рассчитывал на его помощь – Никита не дурак, хоть и малолетка. Понимает, что за десять грамм анаши, изъятой к тому же в первый раз, никто пять лет не даст. Так, пожурят да выгонят. А сболтнешь лишнее в ментовке – без языка останешься. Оторвут вместе с башкой.

Ничего особенного Никита из себя не представлял. Бросив школу, паренек болтался по микрорайону, курил травку, возможно, ею же и приторговывал, сходил с ума на дискотеках в местном Доме культуры, сшибал мелкие деньги у школьников... Прихватили его на рынке постовые, которые и обнаружили в его кармане ту самую травку. Валерка попросил, чтобы материал отписали ему – он хватался за любую информацию, связанную с рынком, а точнее, с рыночными грабежами. Материал он штамповать не стал, хотя «палки» отделению были нужны позарез, но «поднять» серию грабежей – это гораздо солиднее, чем упечь мелкого наркошу, которого еще и поймал не сам.

– Ну, что будем делать, Никитушка? Ты, я смотрю, не хочешь себе помочь. Напрасно. Себя надо любить.

Маленький, худой Никита откинул со лба крашенную в белый цвет челку и шмыгнул носом.

– Родне сказал, что вляпался?

– Чего там говорить? Волнует, что ли, предков? Вторую неделю в загуле, козлины.

Валера помолчал немного, затем вытащил из стола материал, к которому скрепочкой был прикреплен пакетик с травкой, и бросил его перед Никитой.

– Послушай, но ты хоть представляешь себе, что это такое?

– Статья.

– Ну, слава Богу. Я дам тебе еще одну попытку. Если сделаешь, что скажу, я подарю эту макулатуру тебе, на память о нашей встрече.

– Еще три дня?

– Нет, Никитушка, это глухое дело, дни тебе давать. Ты у меня роль живца сыграешь.

– Какого еще живца? – насторожился Никита.

– Ты на рынке всех знаешь, ну или почти всех. Знают и тебя, кроме, конечно, залетных. Но я не думаю, что залетные по местным подъездам шастали. Это свои, только свои. Усекаешь идею?

– Не очень.

– Завтра утром я дам тебе солидную сумму долларов – денег, разумеется, ненастоящих, но сделанных довольно натурально. Настоящих у меня и быть не может, а если б они и были, то все равно я вручил бы тебе левачок. Ты ненавязчиво гуляешь по рынку, пускаешь пулю, что нашел или спер – тут дело вкуса – «лопатник», нашинкованный баксами, которых хватит на пять лет халявы. Светишь «лопатником», деньгами, довольной физиономией. Теперь понял идею?

– Примерно.

– Во, молодец. Раньше семи вечера с рынка не уходишь. Потом при большом стечении публики кладешь кошелек в карман и легкой, беззаботной походкой удаляешься в направлении родимого дома. А мы со стороны поглядим, кто следом прицепится.

– Ага, спасибо... Чтобы по «репе» получить за не фиг делать?!

– Не дрейфь, не получишь. Еще никто не получил. Главное, вести себя разумно. Сразу подними руки, пусть напавший на тебя забирает все. А на выходе мы его сделаем. На мой взгляд, пять минут не переживаний, а так, легкого испуга, лучше зоны, согласен?

– Да как сказать...

– Хватит ныть. Так. В девять утра у меня. Не проспай. Не придеешь – извини. И еще один важный момент – само собой, никому.

– Могли бы и не напоминать. Я не идиот.

– Напомню на всякий случай. Когда поймает того, кто бомбил по подъездам, если, конечно, тебя выпасут, ты должен громко возмущаться бандитским беспределом, орать что являешься невинной жертвой преступности и жаждешь правосудия. Кошелек ты нашел на улице, хотел оставить себе как сувенир, а какая-то сволочь его отобрала. Сегодня ты в милиции не был, да и вообще не знаешь, что такое милиция. Кстати, имей в виду, у грабителя с собой фонарик, человек в лицо «терпилам» светит и опускает их, так что посматривай, у кого из вашей публики фонарик при себе. Ну, и ножик, само собой... Все, мой юный друг. Вопросы есть?

Никита опять шмыгнул носом.

– А если... Ну, если не выйдет ничего? В смысле, не пойдет он за мной? Что с травкой?

– А это от тебя, Никитушка, зависит. Ты уж постарайся, чтобы пошел. Ибо материальчик – вот он. В любой момент штампануть можно. У меня он останется. Ты что-то имеешь против? Ну, извини... Мы тебе пакетик в карман не совали, то есть все по совести, сам виноват. А виноват – отвечай. Все, свободен.

Никита нерешительно поднялся и, едва слышно пробормотав: «До свиданья», – покинул кабинет.

Валера спрятал материал в стол, довольно потер руки, достал из сейфа приготовленные купюры и еще раз их пересчитал. Пять тысяч зеленых крокодильчиков. Должны, просто обязаны рыбки клонуть на такую наживку. Считай, новая «шестерка».

Доллары были изготовлены на загляденье качественно, если не вглядываться – лопухнешься. Выдавал подделку немного смазанный президент, словно картинка на экране телевизора с плохой резкостью. А так все чин-чинарем. Изъяли денежки у товарища, совершенно внаглую торговавшего фальшивой продукцией у обменника. Товарища отправили отдыхать, а бумажки до суда остались в сейфе Любимова.

Валера открыл бортовой журнал-блокнотик и старательно переписал в него номера купюр. Так на всякий случай. Если попавшийся на крючок гражданин станет утверждать, будто только что нашел кошелек в подъезде.

Закончив работу, Валера вернул баксы в сейф и вышел из кабинета, направившись в соседнюю комнату, к Олегу.

Наставник вдохновенно барабанил на машинке. Валера в двух словах рассказал про Никиту и планируемую на завтра акцию.

– Это где ж тебя, Валерочка, дружок, научили людей на компромате держать? В школе милиции такую дисциплину, кажется, не преподают. Там предлагают идейную основу.

– В кино про Жеглова увидел. Там кошелек, тут коробок.

– Волшебная сила искусства называется. Ладно, если в кино, тогда спорить не с чем.

– Ну что, подсобишь?

– Схожу, конечно, прогуляюсь. Но не шибко губу раскатывай. Никита не дурачок в такие темы вписываться.

– Я и не раскатываю. Но другого выхода у нас все равно нет.

– Работа ради работы – это фикция, но ты прав, лучше делать хоть что-то. Где-нибудь да зацепимся. Во сколько завтра?

– В семь вечера.

– Черт, опять возникнут семейные вопросы. Не мог пораньше «стрелку» забить?

– Он придет утром за «бабками», можно переиграть.

– Переиграй. Часиков на пять. Хотя ладно, пусть побольше на рынке семафорит. Светка перебесится, нельзя ее баловать.

Двор, где жил Никита, являлся типичным архитектурным ансамблем эпохи позднего застоя. Длинный зигзагообразный панельный дом-«корабль», протянувшийся почти на километр; помойка, огороженная кирпичной кладкой; детский садик неподалеку, утопающий в зеленых насаждениях; традиционная трансформаторная будка. Вдоль дома – асфальтовая дорожка, превращенная транспортом и непогодой в полигон для испытания танков. Припаркованные машины – раздолье для автомобильных воров и угонщиков и, конечно, головная боль для милиции. Болтающие на лавочках старушки, играющие в траве дети, спешащие домой работяги...

Олег с Валерой выбрали для наблюдения место, вполне отвечающее требованиям конспирации и в то же время комфортное. Они заняли скамейку в кустах, на которой обычно собирались местные пьяницы или обиженные жизнью личности, чтобы заглушить тоску бутылкой-другой. Подъезд Никиты располагался метрах в тридцати и отлично просматривался, зато увидеть засаду мешали густые зеленые насаждения. Оперы пришли сюда минут за сорок до намеченной операции, прогнали сидящего на скамейке бомжа и встали на боевое дежурство. Днем Валера пару раз заходил на Поле Дураков убедиться, что Никита не уваливает от взятых на себя обязательств. Никита не уваливал, усердно тусуясь в группе подростков и вдохновенно сверкая валютой.

Олег достал сигареты и взглянул на часы.

– Я вот чего думаю... Надо было людей побольше взять. А то начнется беготня...

- Все равно некого. Валентин с ночи, дома халявит, а Игорюха – на заявах.
- Участковых можно было напрячь.
- Сам же говорил, что кроме тебя никому верить нельзя.
- Тоже верно. Сейчас бы весь этот дом знал про засаду, а бабули бутерброды с чаем таскали. Ты в подъезд заходил?
- А чего там отсвечивать? Типовой парадняк. Ступеньки, площадки, лифт.
- Вход в подвал.
- Да брось ты, Олег. Все потерпевшие говорят, что он через двери, нормально уходит. На фига ж в подвал ему лезть? Чтобы застрять где-нибудь да влететь?
- А он точно один?
- Видели только одного. Может, на улице еще кто остается, не знаю. Думаю, если он за Никиткой увяжется, мы не прозеваем.
- Как вы договорились?
- Да никак. Он зайдет, доедет в лифте до этажа. Минут через десять, если все тихо, мы забираем у него «бабки».
- Ладно, подождем. Надо было хоть пива взять.
- После отпразднуем.

Время тянулось медленно – как это всегда бывает в засадах. Олег поймал улитку, ползущую по скамейке, и, посадив ее на спичку, принялся дрессировать. «Улитка, улитка, покажи рожки...» Валера от развлечений отказался и внимательно разглядывал публику, проходившую мимо подъезда.

Никита появился, как и было условленно, – без пяти семь. Не оглядываясь по сторонам, он свернул с основной дороги к своему парадняку и зашел внутрь.

Оперы поднялись со скамейки. Как говорят разведчики, «хвоста» не было. Тьфу, блин... Жалко.

– Шибко не переживай, – вполголоса успокоил Валеру Олег. – Я с самого начала на эту затею не рассчитывал. Теорию вероятности я на пять баллов в институте сдал. Пошли, чего ждать?

Валера выплюнул окурок, зло выругался и согласно кивнул.

– Пошли.

Кусты пришлось обходить, что заняло минуту-две. Хотя спешить-то уже было некуда.

Как и предполагалось, подъезд освещался естественным образом – через окошко второго этажа. Лампочки в таких местах – вещь диковинная. Валера на секунду замешкался, замерев на напольной металлической решетке и всматриваясь в темноту. Наконец, убедившись, что башку во мраке не свернет, он шагнул внутрь.

Никита лежал лицом вниз на площадке перед лифтом, прямо в пятне света, проникающем сквозь окно. Он был жив, пытался перевернуться на спину, сжимая руками горло и издавая приглушенный, ужасно противный хрип. Олег моментально врубился в ситуацию, оттолкнул Валеру, перелетел через ступеньки и перевернул парня.

Никита опустил руки, кровь хлестанула на бетонный пол. Второе ранение, судя по пятну на белой футболке, было получено в живот.

Олег поднял голову и ошалело оглядел лестницу. Справа от лифта на улицу вел черный ход – подъезд оказался проходным.

– Говорил же, блядь, проверь, мутила! Помоги ему!

Сам, выхватив из-за ремня пистолет, бросился на улицу.

Валера, держась за стену и боясь взглянуть на лежащего Никиту, еле-еле поднялся к лифту. Лицо опера охватил огонь, руки тряслись, как у последнего алкаша. Что он наделал?! Это же, это же...

Он заставил себя посмотреть в глаза наркоману, но тут же отвел взгляд в сторону, не в силах перенести это зрелище. В угасающем взгляде Никиты читались одновременно горькая обида и ужас, отчаянная мольба сделать хоть что-нибудь. «Вы же взрослые, вы же... Помогите...»

Валерка потрянул головой и пригляделся к ранам. Кровь, кровь, кругом кровь... Жить Никите осталось минуту, не больше, даже если остановить кровотечение. Похоже, нож перебил сонную артерию. Суки, козлы вонючие...

– Ты узнал его?! Узнал блядину?!

Сознание еще не покинуло Никиту, паренек расслышал вопрос и едва заметно моргнул.

– Кто?! Кто он?! Быстрее!!!

Валера, конечно, понимал, что парень уже ничего не скажет, жизнь из раненого стремительно уходила. Но Никита, собрав, наверное, последние остатки сил, медленно поднял руку и ткнул окровавленными пальцами в грудь Валеры.

– Я?! – Оперу показалось, что в него ударила молния.

Никита еще раз моргнул, тут же рука его упала, по телу пробежала судорога, и хрипы смолкли.

Вернулся запыхавшийся Олег, вытирая пот со лба.

– Ну что?! Как он?

– Не знаю, – почти шепотом ответил Валерка, поднявшись с корточек.

– Отвали!

Олег присел, сжал запястье Никиты.

– Все... Кранты. Рвем когти, живо.

– Как, погоди...

Лифт дернулся и пошел наверх, вызванный кем-то из жильцов.

– Нельзя, нельзя уходить, – как в бреду, схватившись за перила, продолжал шептать Валерка.

– Хватит, уже обделались. Быстрее, идиот!

Олег саданул кулаком Валерке в солнечное сплетение, тот оторвался от перил и стал ловить ртом воздух. Лифт пополз вниз. Наставник схватил ученика одной рукой сзади за пояс, а второй – под локоть и поволок к черному ходу...

Через пять минут оба сидели в соседнем дворе на сваленных в кучу бревнах, и тяжело дышали.

Переведя дыхание, Олег достал сигареты, протянул Валерке.

– На, отмокай.

С минуту оба молча курили.

– Ну, что делать думаешь? – Олег первым начал разговор.

– Не знаю... Зачем мы сдернули, надо было дождаться...

– Кого?! Парню все равно не помочь, а мы... Я спрашиваю, что базарить будешь?

– А чего там базарить? Так и скажу – хотели урода с поличным взять, но прокололись. Мы ж не специально.

Олег озабоченно посмотрел на коллегу – так хорошая хозяйка смотрит на начинающую киснуть сметану.

– Садись, «пять»... Не специально... Такое «не специально» называется в уголовном кодексе преступной халатностью, повлекшей тяжкие последствия. До семи лет на брата... Хочешь? Думаешь, полегчает?

Валерка облизал высохшие губы. В данную секунду он плохо соображал и руководствовался эмоциями, а не логикой. Еще бы... Ведь это он, он, Любимов, убил парня. Этот взгляд, прожигающий насквозь, не злобный, не презрительный... С детской наивностью молящий о помощи... «Ты узнал его?!»

– «Да». – «Кто он?» – «Ты».

– Ну, еб... Я его найду, найду скота... Взгляд, он ведь будет жечь меня всегда. Чушь это, что время все лечит. От этого не вылечишься... Ты убийца, ты настоящий убийца. Умиравший пацан, еще пару часов назад не смевший слово вякнуть, собрал последние силы, чтобы сказать тебе это в лицо...»

– Я найду его, – повторил вслух Валерка. – Весь рынок раком поставлю.

– Это Бога ради. Главное, херню не спори. Отдышался? На, еще покури.

Валерка взял вторую сигарету.

– Значит так, сопли пускать кончай. Гони домой, переоденься, прими сто грамм...

Только сейчас Валерка заметил, что брюки его и манжеты рубашки испачканы кровью.

– Возвращайся в отделение. Все равно вызовут. Мы вроде нигде не светанулись. Ты как в воду глядел, про засаду решил никому не рассказывать. Насчет прокола здорово не томись, это прежде всего моя вина, с тебя, салаги, взять нечего. Что-то расслабился я... Да ладно. Ты точно про подставку никому не жужжал?

– Точно.

– Боюсь, Никитка мог кому-нибудь трепануть.

– Я предупреждал его...

– Чепуха, у пацанов языки с километр длиной. Но ничего, даже если и трепанул, стоим в отказе – знать не знаем, ничего такого Никите не предлагали. В отделении он был, да. Разбирались с наркотиками. Все понял? И не вздумай никому из наших на грудь бросаться. Стукачество всегда в цене. Давай домой.

Валера продолжал сидеть.

– Слушай! – толкнул его Олег. – Кончай страдать! Это с непривычки. От того, что ты сидешь, никому лучше не станет.

– Я найду его.

– Да найдешь, найдешь. Кроссовки тоже, кстати, вытри.

Валерка выбросил окурок, поднялся с бревна и, ссутулившись, побрел к арке, выходящей на проспект.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Июль, 1997 год

– Мы продолжаем, продолжаем вести прямой репортаж с места событий! Напомню нашим радиослушателям, которые в настоящую секунду настроили свои приемники на волну радио «Попкорн», что десять минут назад было совершено дерзкое вооруженное нападение на коммерческий ларек индивидуального частного предпринимателя «Гасанов и К€». Незвестный преступник в маске, завладев под угрозой пистолета дневной выручкой и шампунем «Пантин прови», попытался скрыться. Однако, к его несчастью, и, соответственно, к счастью господина Гасанова, мимо проходил милицейский патруль, который, мгновенно оценив обстановку, бросился в погоню. Сейчас погоня в самом разгаре, и, как всегда, в гуще событий наш корреспондент Алексей Косоротов. Ему слово. Пожалуйста, Леша, расскажите нам, что произошло за истекшую минуту?

– Пока все по-прежнему. Преступник с Садовой свернул на Гороховую и направляется в сторону Фонтанки. Милицейский наряд в составе двух человек – как мне удалось установить, это участковый инспектор и постовой – находится примерно в тридцати метрах от совершившего преступление и, ни на секунду не выпуская грабителя из вида, продолжает преследование, которое, к сожалению, затруднено из-за большого количества пешеходов. Однако милиция прилагает все усилия для задержания злоумышленника.

– Скажите, Алексей, он не пытается отстреливаться? И вообще, что можно сказать о личности преступника?

– Нет, выстрелов пока не слышно. Возможно, пистолет игрушечный – судя по одежде, приобрести настоящий бедолаге не по средствам. По-видимому, наш преступник к тому же страдает выпадением волос, иначе зачем ему понадобился шампунь именно этой марки? Я попытался взять у него интервью, но он категорически отказался, послав меня к закону о печати.

– Алексей, аллю, Алексей, вы слышите меня?

– Да, да, я на связи.

– Уточните у сотрудников, не собираются ли они применять оружие на поражение, и если да, то когда?

– Я уже задавал им этот вопрос, но ответа не получил. Участковый сослался на последний приказ министра, запрещающий сотрудникам милиции напрямую контактировать с представителями СМИ во время предварительного следствия.

– А как же они должны контактировать?

– Только через пресс-службу ГУВД. Но пресс-службы в текущую секунду поблизости нет, поэтому, увы, разрешение на беседу мне не получить, и я ограничиваюсь констатацией фактов. Так, внимание! Преступник забежал на мост, пересек его и оказался отрезанным потоком машин! Сейчас наступит самое интересное! Да, парню не позавидуешь. А вот и наши герои! Они уже на мосту. Но что это? Что случилось? Грабитель возвращается на мост, разбегается и прыгает через перила в воду! Ну, настоящий, настоящий боевик! Он выныривает и плывет в сторону Невского!

– А милиция?

– Пока их действия ограничиваются вызовом подкрепления по рации. Подождем, возможно, они все же поплывут...

Палец нажал кнопку радиоприемника, переключив его на другую волну.

«Не поплывут».

– Кре-е-ейзи, кре-е-ейзи... – Из приемника вырвался хрипящий бас, выдаваемый луже-ной глоткой Стивена Тайлера, солиста команды «Аэросмит».

Палец выключил магнитола, салон автомобиля наполнился тишиной, нарушаемой лишь криками ребятишек, играющих в футбол на расположенной неподалеку площадке.

Дмитрий Степанович Гапонов, президент крупной строительной компании «Континент-строй», а также глава всевозможных ассоциаций и благотворительных фондов, исключительно положительный мужчина сорока двух лет от роду, недовольно взглянул на часы и, побарабанив пальцами по рулю, проворчал:

– Все беды начинаются с опозданий. Ненавижу.

Впрочем, может быть, его «Ролекс» немного спешил, и нервничал Дмитрий Степанович совершенно напрасно.

Встречу назначил он сам. Не доверяя офисным стенам и преданному персоналу, он решил обсудить проблему здесь, в салоне автомобиля. Час назад набрал телефонный номер и сказал всего четыре слова: «В три, там же».

Это означало, что намечается серьезный разговорчик без свидетелей. Место, один из питерских дворики, было облюбовано заранее, и повторять адрес не имело смысла. Ни Дмитрий Степанович, ни человек, которого он ждал, не стремились афишировать свое знакомство и, встретившись случайно на улице, вряд ли сняли бы друг перед другом шляпы. Гапонов был слишком известной персоной, и все знали его исключительно с хорошей стороны.

В машине становилось душновато. Дмитрий Степанович ослабил галстук, повернул в замке ключ и включил кондиционер.

Человек не опоздал. Как только из открытого окошка соседнего дома заиграли позывные «Маяка», в стекло правой двери постучал. Гапонов взглянул на подошедшего, кивнул и поднял кнопку.

Выбросив окурки на газон и хлопнув дверью, человек грузно опустился на сиденье.

– Проблемы? – коротко буркнул он. – Рассказывай.

Вероятно, соблюдение этикета его не интересовало и тратить время на приветствия он не считал нужным. Дмитрий Степанович достал сигарету, нажал кнопку прикуривателя и переполненным обидой и горечью голосом произнес:

– Эта морда покойная, сука банковская, кажется, успела слить информацию.

– Кажется? Креститься надо. Успокойся. Какой-то бумажки не хватало?

– Бумаги были все, то-то и оно. Но где гарантия, что она не сделала еще одну распечатку?

– Сомневаюсь. Дома был только один экземпляр. Довольно хорошо спрятан. Делать копию не имело смысла.

– А компьютер? Там ведь все есть.

– Она держала информацию под паролем, который уже никому не назовет. Ты расскажи, что стряслось-то?

– Я пока ничего не могу утверждать, я просто изложу факты.

– Хорошо. И не гоношися. Спокойнее. – Человек почесал мочку уха.

Гапонов сделал глубокую затяжку.

– Неделю назад один из адресов, указанных в бумагах, посетил некий человек. Он не представился, просто поинтересовался, не здесь ли находится офис фирмы «Валет». Ты понимаешь, что адрес фирмы фиктивный, поэтому меня сразу поставили в известность об этом визите.

– Ну и что? Фирма не является подпольной, мало ли кто мог зайти.

– Согласен. Но в течение следующих двух дней этот же человек, судя по описанию, посетил офисы «Дамы» и «Короля». Теперь дошло? Это уже закономерность. Очень тревожная закономерность.

– Он что-нибудь выпрашивал?

– Ссылался на газетную рекламу, где якобы указаны адреса. Но никакой газетной рекламы не было. Остался еще «Туз», вероятно, на днях он объявится и там.

– Надо было позвонить мне сразу после второго визита.

– Я все-таки надеялся, что это случайность... Черт, как не вовремя. Главное, ума не приложу, кто это может быть. Органы? Или какой-нибудь безутешный хахаль? Органы совсем не в жилу.

– Органы обычно «ксивами» светят и церемониться долго не будут – за шиворот и в отдел. А хахаль? У нее был хахаль?

– Да черт ее знает... Может, и был урод какой. Сейчас не спросишь. Во всяком случае, жила она одна. Да ты и сам лучше знаешь. Где-то есть бывший муж, но он спился и вряд ли будет совать свою красную носяру в дела бывшей и к тому же покойной жены. Он даже на похороны не явился.

– Хорошо, я все понял. Человеком займемся.

– У нас все сейчас на мази. Намечается торжественная закладка «символического кирпича» в фундамент будущего детского дом. Приглашены очень высокие лица. Возможно, будет даже представитель Президента. Подготовлены пресса, телевидение. Есть предварительная договоренность о новых кредитах, есть...

– Я все это знаю – и про «кирпич», и про кредиты. Не переживай. Никакой утечки не произойдет, и никто в твои дела нос совать не будет.

– А если это менты?

– В органах полным-полно хороших и замечательных людей, которые всегда готовы помочь.

– У них там сейчас эти, как их, «Чистые руки».

– Я считал тебя умнее, Дмитрий Степанович. У кого надо, всегда чистые руки. Прямо сияют белизной. – Собеседник Гапонова вновь почесал ухо, вероятно, это было дурной привычкой.

– Понятно. Ты позвонишь мне?

– Если сочту нужным. Работай спокойно. Наверное, у тебя и так хватает проблем.

– Да уж...

Человек, опять забыв об этикете, молча толкнул дверь, выгрузился из машины и пошел в сторону арки.

Дмитрий Степанович поправил галстук и, посмотрев вслед удаляющемуся человеку, недовольно хмыкнул:

– Все знаю, все знаю... Покровители херовы. Не могли с бабой толком поговорить, сиди вот, переживай. Сами прокололись, а теперь за этого визитера с меня такую долю снимут... Все им мало, все у них «по понятиям».

Гапонов завел двигатель, вывел машину со двора на проспект.

На самом деле он прекрасно понимал, что без этих людей у него вообще ничего не вышло бы, и ворчал он просто для того, чтобы выпустить пар.

Такой замечательный день, такие заманчивые перспективы. Спокойнее, Дмитрий Степанович, осталось немного, совсем немного.. Без нервов и риска можно только пособие на бирже получать. Остановиться? Срок? Нет, еще не срок. Надо играть, пока есть ходы. Не будет ходов, вот тогда и срок. Поиграем.

Пальчик нажал кнопку магнитолы. «Как там наш любитель шампуня? Поймали?»

ГЛАВА 2

– Вот это влип!!! По полной схеме. Как в классическом анекдоте про любовника и шкаф. Не, мужики, все ведь тип-топ было. Я ее, красавицу списанную, пять раз переспросил – точно муж уехал из города? «Точно, Витя, точно. Сама на поезд сажала». Витя и раскатал губу, расслабился. На шампанское разорился, на розочку. Пришел. Шампанским отсалютовал, огурчиком закусил и за дело. А чего в любовь играть, люди взрослые. Только, понимаешь, овладевать начал, звонок, блин! Ленка на цыпочках к двери и в глазок глядь. Да хоть бы музон вырубил. «То ли девочка, а то ли варенье». Возвращается сама не своя, лица на роже нет. Сюрприз. Муж! Ура!

Такой душевной обиды, мужики, я не испытывал никогда. Очень пожалел, что я не Копперфилд. Махнул бы простынкой – и нет ничего. Ни шампанского, ни огурчиков, ни дыма сигаретного, ни койки, ни, главное, меня. А не Копперфилд я! А муж, бестия, заподозрил неладное, барабанит в дверь кулаком. «Открывай, – кричит, – корова! Лучше по-хорошему, знаю, что с мужиком сидишь!»

Ленка сопли пустила. «Все, – говорит, – убьет ведь, сердешный. У нас топор в прихожей острый, как бритва». Я к балкону, да куда там – девятый этаж. Честно скажу, меньше хватила, забегал по комнате, как вшивый по бане. И ствол как на грех не захватил, со стволом-то, дружок-приятелем железным, никакой муж не страшен – что рогатый, что лысый.

Но поздно горевать, надо выкручиваться из неприятности. А рогатый наш уже фомочку где-то раздобыл и к двери прикладывается, покрикивая всякие глупости типа: «Убью, чучело, зарежу, с балкона выкину!» Ну, понятно, что не «Сникерсом» угостить хочет, мог бы и не орать на всю лестницу.

В общем, выручила мою ментовскую шкуру опять она, оперативная смекалка. Прикинул я, что дверь двойная, минут десять рогатый всяко провозится, быстренько к телефону шмыгнул и в дежурку звоню.

«Брат Михалыч, выручай! Присылай срочненько машинку по такому-то адресу, тут деятель один двери снимает, не иначе квартиру обнести намеревается. Ручонки ему заломайте, в отдел отвезите и поместите в отдельный пятизвездочный номер. Где-нибудь так до утра. Только не тяните, подъезжайте быстрее, иначе беда. Я утром приду и непременно с ним разберусь».

Михалыч заныл, законник хренов, мол, не могу до утра, только на три часа право имею, для установления личности. Но я уговорил. «Если что, все на меня вали, можешь даже рапорт на содержание от моего имени нацарапать. Только скажи мужикам, чтобы кисель в подъезде не разводили, в детективов не играли – ручонки папику по-быстрому, по-тихому заломали, и в камеру».

Все! Время полетело. Что самое сложное в нашей работе? Ждать и догонять. Именно так.

Первую дверь душегуб скovyрнул через пять минут после того, как я повесил трубку. А нашими и близко не пахнет. Пахнет переломом основания черепа. Моего, естественно, черепа. На моей же, блин, территории. Для наших молодцов на час опоздать все равно что совсем не опоздать. Группа быстрого реагирования, мать их за ногу...

Смотрю я на дверь и думаю о напрасно загубленной молодости и ужасной несправедливости. Можно подумать, этот, с рогами и фомкой, по бабам никогда не гулял, а в одни командировки ездил.

Но чу, услышало ухо родимый напев! Скрип подвески нашего коня я ни с чем не спутаю! Приехали, родненькие. Я к окну! Идут не спеша, вразвалочку, как с собачкой на прогулку. Быстрее же, неукротимые вы мои, товарищ ведь погибает.

Успели. В тот момент, когда счастливый и гордый соперник наконец выбил дверь и в предвкушении скорой расправы красивым жестом вытер пот со лба, два не менее счастливых

сержанта в предвкушении скорой премии красивым жестом обломали папику кайф и, возможно, опустили почки. Во всяком случае, упал он очень быстро, почти мгновенно, не успев ничего сказать напоследок. А говорить в принципе, ничего и не требовалось. Все понятно – не фиг по чужим квартирам воровать.

Из подъезда рогащи сеньора вынесли в бессознательном состоянии, но, как того требует устав, в браслетах, погрузили в «радио-такси» и с Богом увезли. Я помахал им с балкона платочком, утер скупую слезу и вернулся к прерванному было мероприятию, перед этим поставив на место двери. И хотя чувство уверенности ненадолго покинуло меня, оттопырился я на славу, до утра.

Ну а с утречка, полный сил и энергии, я без опозданий прибыл на службу, ознакомился с происшествиями за прошедшие сутки и с ужасом из собственного рапорта узнал, что на моей территории завелись квартирные ворюги. Подумать только, на моей образцово-показательной территории! Кто ж там таков? Гневно открываю камеру, строго и бескомпромиссно смотрю в глаза пойманному с поличным субъекту и жестко спрашиваю: «Ну что, пугало огородное, сам все расскажешь, или третью степень устрашения применять?» Вот, мужики, я к чему это все вам рассказал – в любой ситуации твердо помните, что вы сотрудники милиции, что у вас на плечах погоня, что вы всегда должны быть готовы к выполнению служебного долга и соблюдению морального кодекса офицера. И еще. Копперфилд при всех его магических способностях и чудесах телевидения такой фокус вряд ли показал бы. Один взмах волшебной палочки – был человеком, стал тыквой. Сиди, зрей! Чудо? Чудо! Га-га-га... – рассказчик загоготал и повернулся к слушателям спиной. Сидящие на заднем сиденье «Жигулей» Валера Любимов и Олег Степанов, оперы-приятели, переглянулись и неопределенно хмыкнули – вероятно, история, рассказанная их коллегой Витькой Караваевым, не вызвала у них столь бурного восторга.

– Слышь, Витек, мужика-то ты выпустил? – уточнил Олег.

– Конечно, – прервав смех, ответил Караваев, – я ж не беспредельщик какой.

– А баба жива осталась?

– А чего ей будет? Я потом позвонил, спросил. Мы ж нигде не засветились вместе, конспирация – высший класс. Она, наоборот, чуть глаза ему не выцарапала – зачем, ненаглядный мой, двери ломал, не мог дождаться, когда я из ванной выйду? И какого пса ты из командировки вернулся? Одно меня, мужики, тревожит – какая курва муженьку про мой вояж напела?

– Про твои блядки-вояжи легенды слагают, Копперфилд. Болтай поменьше. Чего-то ты ожил. Прошло брюхо?

– Отпустило, тьфу-тьфу. Я замечать стал – как совещание, так у меня понос. Традиция. Организм протестует против совещаний.

– Ага, а нам рапорта теперь писать – почему на полчаса опоздали. Имей в виду, я чистую правду выложу. Опоздали, потому что опер Караваев не моет рук, а потом заседает в рабочее время на «толчке». Чистыми руками надо работать, чистыми.

– Кстати, про чистые руки, – усмехнулся Валера, – есть хохма посмешнее. В Главке, а точнее, в отделе собственной безопасности установили телефон доверия для граждан. Любой обиженный органами может позвонить и застучать обидчика. А наши любители чистых рук долго разбираться не будут, рапорт на стол и шагом марш на гражданку. Первые психи уже звонят. Ты бы, Витек, осадил со своими фокусами нарвешься...

– Точно, точно, Каравай, – поддержал Степанов. – Тут одного опера турнули за то, что задержанного черного сфотографировал для картотеки. Без согласия на то подозреваемого. Нарушение Конституции в чистом виде. Черный настучал, и честь труда, опер нынче арбузы продает на остановке.

– Да, времена... – вздохнул Караваев. – На бандюгая теперь и не посмотри косо, обидится еще, братишка. Я, пожалуй, запрюсь в кабинете и буду пузо отращивать. А кражи пускай отдел безопасности раскрывает.

Витька похлопал ладонью по уже начавшему проявляться брюшку и замурлыкал под нос какой-то модный мотивчик. Вообще-то, опером он был неплохим, по крайней мере, работу свою ценил и даром денежного содержания не получал. В ментуру он пришел постовым, честно оттоптал с дубиной и рацией землю, поступил на заочный в школу милиции, еще два года занимался «кастрированными» вопросами в форме участкового инспектора, а теперь попал в розыск опером.

Должность заместителя начальника отдела по опер-работе в ближайшем будущем ожидалась, нынешний шеф – Бородин Иван Михайлович – уходил на повышение, и Витька вполне заслуженно претендовал на его место. Претендовал правда, и Олег Степанов, но без особого. Новая должность, по сути своей, сволочная, в том плане что неблагоприятная и нервная. Особенно по нынешним временам, когда никто толком не знает, что от него хотят. Поэтому, когда Бородин по очереди поговорил с операми, Витька согласился, а Олег сказал, что подумает. Вряд ли Караваев рвался в кресло зама, но оно являлось трамплином к более солидным должностям, а здоровый карьеризм, основанный на собственных заслугах, – вещь неплохая.

Сам Бородин, к слову сказать, отдал бы предпочтение Олегу – во-первых, как более опытному, а во-вторых, как более рассудительному и организованному. Караваев имел в отделе репутацию авантюриста и работал порой на грани фола. Черта хорошая для опера, но нежелательная для руководителя. Особенно Бородин насторожил один случай.

На территории отдела произошло убийство, довольно традиционное – среди бела дня, возле кабака, из пистолета расстреляли очередного бандита. Свидетели слышали три выстрела, столько же пуль изъяли медики из тела несчастного. Но гильз на месте происшествия было обнаружено только две. Этот факт списали на банальную невнимательность эксперта, плохо, мол, искал. Раскрытием занимался убойный отдел, оперы с «земли» помогали по мере необходимости.

Спустя неделю Витька позвонил убойщикам и сказал, что может подсобить информацией.

Убойщики сразу прилетели, и Витька выложил почти весь расклад – кто стрелял и почему. На вопрос, откуда информашка, Витька усмехнулся и ответил, что работать надо, а не бумажки писать. Вместе с операми из убойного он поехал домой к предполагаемому убийце, где последнего совместными усилиями задержали. Товарищ мертво стоял в отказе, а прямых доказательств не имелось

– при бандитских разборках свидетели мгновенно наживают склероз. Прокуратура на косвенных уликах арестовывать подозреваемого не собиралась, короче, дело сыпалось на глазах.

Без особых надежд два опера-убойщика отправились на обыск – ежу понятно, что никакого «ствола» или патронов в хате не обнаружится. Какова же была их радость, когда в спальне, возле кровати, они нашли гильзу от стреляного патрона. За один день провели экспертизу. Гильза пошла «в цвет». Товарищ пускал пену, хрипел и рвал пуговицы, крича про подставы и ментовский беспредел, но это не помогло, к косвенным уликам добавилась прямая, и дорога к усиленному режиму оказалась открыта.

Откуда у кровати подозреваемого взялась эта гильза, принципиального значения не имело. Может, из брюк выпала. Бородин, правда, вспомнил, что первым на место происшествия прибыл Витька Караваев, и, когда все улеглось, вызвал его в кабинет для конфиденциальной беседы. Витька искренне развел руками и побожился, что к истории с гильзой никакого отношения не имеет. «Точно?» – «Да точно, Михалыч! А чего ты переживаешь? Убийца должен сидеть в тюрьме!» – «Ты уверен, что он убийца? „Я всегда уверен“. На этом разговор и закончился. В конце концов, убийство раскрыто, преступник наказан, налицо торжество справедливости...

Сейчас оперы возвращались с совещания в райуправлении, где им в очередной раз напомнили про чистые руки, режим секретности и моральный кодекс. А представитель инспекторского отдела предложил всем «продавшимся» операм самим, по-хорошему, уйти из органов. Никто не ушел.

«Жигули» притормозили у светофора возле переуллка, ведущего к отделу. Неподалеку потрепанный мужичок с облезлым Терминатором на полинявшей футболке изучал витрину ларька, торговавшего спиртосодержащими продуктами.

– Поработаем? – обращаясь к Олегу, Валера кивнул на мужика.

– Начинай.

– Значит так. Социальный статус – ниже среднего. Гопник, но не бомж, жилплощадь имеет, одну комнату, не больше. В коммунальной квартире.

– Да. Разведен, детей нет. Тяготеет к лирике. Страдает открытой формой туберкулеза.

– Согласен.

– Три ходки.

– Пожалуй, четыре.

– Согласен. Последняя – за изнасилование несовершеннолетней.

– Малолетней, мой мальчик, малолетней.

– Согласен. Не работает, но мечтает о деньгах и выпивке, любит кошек, их у него три штуки. А в целом мудака. Полный.

– Согласен.

Обласканный мужичок почесал Терминатора и, подобрав хабарик, скрылся в кустах.

– Ну вы, пацаны, даете! – восхитился Караваев. – Прямо индукция.

– Ага, она самая. Электромагнитная.

Дали зеленый, машина тронулась.

Здание отдела милиции было типовым двухэтажным сооружением из серого кирпича. Рядом, за металлическим ограждением, располагалась стоянка служебных и изъятых автомобилей, напротив зеленел небольшой сквер со скамейками.

В сквере заботливый отделенческий завхоз-старшина разбил грядки с картошкой и морковкой, а чуть подальше, в кустах, возвел два парничка, где выращивал помидоры и огурцы. Дежурный наряд, таким образом, мог полакомиться свежими овощами, не тратя время на беготню по магазинам. Старшину за инициативу поощрили грамотой, и он, воодушевленный успехом, сейчас доставал материал для сооружения маленькой свинофермы. Своих денег у старшины, естественно, не имелось, он носился по руководству, выбивая материальную помощь и доказывая, что, не поевши свежей свининки, сотрудник вряд ли сможет качественно реагировать на преступления. С ним соглашались и давали деньги. В настоящий момент старшина, засучив рукава милицмейской рубахи и сдвинув кепку с кокардой на затылок, трепетно окучивал культуру.

«Жигули» миновали небольшой разливованный плац для строевых смотров и, зарулив на стоянку, остановились.

На пороге отдела мирно курил сержант, несший вахту по защите личного состава от нападений террористов и бандформирований. На солнцепеке он испытывал явный дискомфорт: бронежилет и каска – это не маечка и не пляжная панамка, но приходилось терпеть. И не потому, что террористов очень уж боялись, а ввиду возможного и неожиданного появления проверяющих.

– Как служба, Серега? – подмигнул на ходу Олег.

– Мух много, достали. – Сержант зевнул и поправил висающий на плече автомат.

Кабинеты уголовного розыска располагались на втором этаже, рядом с паспортным столом, за дверью с кодовым замком.

Караваев подниматься наверх не стал, а сразу завернул в дежурку узнать обстановку. Паспортный стол не работал, девчонки-паспортистки разбежались по магазинам, но в холле-приемной сидело несколько человек. Ни Олег, ни Валера не обратили на них никакого внимания, люди в паспортном сидят постоянно, могли прийти к кому угодно и ждать предпочли не на жаре, а в прохладной приемной.

Но как только Олег набрал код и открыл двери, три молодых человека мгновенно поднялись со своих мест и быстро подошли к операм.

– Минуточку, Степанов вы? – обратился парень лет тридцати в сером костюме к Олегу.

– Я, – кивнул Олег.

– Нам хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз. У вас в кабинете кто-нибудь есть?

– С удовольствием, но можно узнать, с кем именно я буду говорить? А то придушите еще.

– Не придушим, – улыбнулся парень и достал из нагрудного кармана красную книжечку на цепочке. – Отдел по очистке рядов, коллега.

– Взятку шить будете? – хмыкнул Олег, пропуская визитеров и указывая на дверь своего кабинета.

– Нет, незаконное производство аборта.

– Вы извините, у нас не прибрано. Надо было позвонить, я бы распорядился, девочка прибрала бы. А то пыли много. Аллергией не страдаем?

– Не страдаем.

– Извольте, – Олег отпер замок и вошел в кабинет, – располагайтесь. Слушаю.

Последний гость прикрыл за собой дверь, и оставшийся в коридоре Валера так и не узнал, зачем его друг понадобился отделу по очистке рядов. Может, обед принесли? Сардельку в тесте и пивка. Настораживала показная вежливость борцов за чистоту совести. Неуместная вежливость порой опаснее явной грубости. К тому же Валера мог поклясться, что последнего зашедшего он раньше видел, но запомнил, где и когда. Причем товарищ не имел к службе очистки никакого отношения. Симпатичное, однако, времечко. На земле работать некому, а спецслужб – как фантиков у придурка, полные карманы. Отдел собственной безопасности, особая инспекция, теперь еще отдел по очистке рядов какой-то. Все чистят. С блеском, как «Коммет». Борьба с жиром.

Впрочем, чего раньше времени паниковать? За Олега Валерка был спокоен, кроме зарплаты и редких премиальных Степанов ничем себя не зарекомендовал, избегал даже охранной халтуры. Не говоря уже о предательстве или взятках. Олег был «ментом в законе», по крови и по сути. В душу, конечно, не заглянешь, но душа – отражение поступков. Скорее всего, ребята пришли насчет Вадика Дубова, Олежкиного соседа по кабинету. Этот милый юноша точно нуждается во внимательной опеке.

В ментуру он попал явно «по звонку», прямо на должность опера, без всяких школ или курсов. Одна внешность чего стоит. Обычно таких ребят постовые даже близко не подпускают к ведомственным дверям, сопровождая сей процесс размахиванием резиновыми палками. Бри-тоголовый крепыш, без меры украшенный золотой и позолоченной бижутерией, словно папуас на ритуальном танце. Разъезжает на новеньком «опеле» и таскает на поясе пейджер, а в кармане – трубку. Обедал Вадик исключительно в частном кафе, денег не считал и был вполне доволен жизнью. Спустя две недели после его прихода Валера встретил Дубова на рынке в компании южных торговцев, с которыми молодой опер разговаривал по-хозяйски, как с прислугой.

Посадили юношу в кабинет Степанова, чтобы на первых порах Олег опекал новобранца. Такое соседство нужно было Олегу, как кариес – зубам, но ничего не поделаешь, приходилось терпеть. Правда, нет худа без добра. Вадик тут же заменил старую, едва живую казенную мебель на фирменную офисную, поставил новую дверь с суровым замком и притащил в кабинет видеодвойку.

Между собой остальные оперы решили не болтать лишнего при Дубове, особенно про бандитские варианты. Что этот человек забыл в ментуре, никто не понимал. Во всяком случае, призыванием тут и не пахло.

Валера тоже сидел в кабинете не один, и ему прикрепили новобранца – Серегу Абдулова, окончившего недавно университет и решившего идти работать не следователем или адвокатом, а простым сыскарем.

Всего же в отделе трудилось семь оперов, двое из которых сейчас гуляли в отпусках.

Любимов прошел к себе, скинул пиджак и взглянул на стол, на котором лежала оставленная Серегой записка. «Я на территории, если ко мне придут, пусть подождут. Угости чаем и расскажи анекдот».

Валера достал из сумки термос с домашним супом, воткнул чайник в розетку. Подкрепиться не дали, снизу позвонил дежурный и сорвал обед свеженькой заявкой. Вроде как квартирный разбой. Влетели в масках, связали, ограбили. Без всяких «вроде как». Милый дежурный. «Вроде как», оно бы и было «вроде как», а тут просто разбой. С казаками-разбойниками и, возможно, огневой поддержкой.

Валера взял со стола папку с бумагами, выключил так и не успевший закипеть чайник и помчался вниз.

В отдел Валера вернулся через целых три часа, как раз к окончанию рабочего дня. Налет со слов потерпевшей оказался, говоря на милицейском языке, квалифицированным, но, слава Богу, обошлось без пальбы.

Девочка в белом халате позвонила в дверь зажиточных граждан и, представившись медсестренкой, попросила воспользоваться телефоном, срочный вызов.

Хозяйка, бывшая в тот момент дома, оказалась отзывчивой и наивной женщиной и дверь тут же открыла. Однако вместо девочки в квартиру ворвались мальчики в капроновых чулочках на приветливых лицах и с пистолетами в кровожадных ручках. Хозяюшку поздравили с прекрасной и доброй натурой, после чего затолкали в комнату, связали руки-ноги и стали спокойно переносить имущество в припаркованный к подъезду грузовичок. Никто из соседей на это мероприятие внимания не обратил, мало ли кто переезжает.

Забрав все самое ценное, вплоть до женских гигиенических средств, ребяташки предупредили хозяйку о кровавой ответственности за дачу показаний в соответствующих организациях, перерезали телефонный провод и, аккуратно прикрыв за собой дверь, удалились. На все мероприятие ушло не больше двадцати минут.

Хозяйка кое-как распуталась и, забыв о предупреждении, тут же позвонила от соседки по «02». Приехали Валера и водитель. Хозяйка к их приезду в себя еще не пришла, постоянно падала в обморок, рыдала, заламывала руки, без перерыва курила и выражалась в адрес неизвестных грубой нецензурной бранью. Ничего в общем необычного, учитывая стоимость похищенного.

Выслушав жуткую историю, Валера поручил водителю успокаивать добрую женщину, а сам пошел к соседке и, позвонив от нее, попросил дежурного не докладывать о происшествии в Главк, а дать хотя бы полчаса для выяснения обстоятельств. Потому что Валера подозревал, что здесь и в самом деле не разбой, а «вроде как». Но дежурный, будучи перестраховщиком, потребовал дать данные потерпевшей, список похищенного и приметы преступников, а не строить из себя инспектора Морса. Экспертно-криминалистическая бригада уже заказана, следователь вызван, руководству доложено, готовьтесь к встрече.

Валера вздохнул – текущая политика требовала чуткого и быстрого реагирования, а не установления истины. Истина вторична. Он продиктовал все, что успел узнать, и повесил трубку. Насторожила же Валеру одна деталь. Несмотря на стрессовое состояние, историю с разбоем хозяйка изложила четко, без запинки и сбоя, будто вызубрила наизусть. В приметах не путалась, как обычно бывает с потерпевшими сразу после совершения преступления.

Валера решил поговорить поподробнее, прежде чем взять заяву, потому и звонил дежурному с просьбой получасовой отсрочки.

Выйдя от соседки, он спустился вниз и пообщался с сидящими на скамеечке бабулями. Действительно грузовичок стоял, мебель рабочие грузили. Без всяких чулок на лицах. Лиц бабули не запомнили, потому что далековато, скамеечку у того подъезда какая-то сволочь бесстыжая утащила на дачу. Ладненько.

Любимов вернулся к потерпевшей, велел ей уgomониться и, пока не приехала группа, приступил к уточнению обстоятельств. Обстоятельства, как и следовало – ожидать, выглядели туманно, как запотевшие очки. В квартире дамочка была прописана с мужем.

«А кто у нас муж? Волшебник?» – «Нет, не волшебник, просто сидит». – «Где сидит?» – «Ну, как где? В тюрьме». – «Боже мой, за что?» – «Да так, глупости сплошные. Вымогательство». – «Действительно глупости. Я так понимаю, все, что нажито его непосильным трудом, сегодня и пропало? Он, наверное, огорчится, да?» – «Не знаю, наверное, огорчится». – «А я вот думаю, что, наоборот, обрадуется. На имущество-то арест небось наложен, а? И после суда поступит оно в доход государства? Пардон, уже не поступит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.